

Хагуров Темыр Айтчевич

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: СВОБОДА И СОЦИАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы методологии исследования проблем социальной регуляции и девиантного поведения в контексте социокультурного кризиса современности.

Ключевые слова:

социальная регуляция, социальное здоровье, социальная патология, социальная справедливость, социальная солидарность, личностный смысл, милосердие.

Hagurov Temyr Aytechevich

D.Phil. in Social Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Sociology RAS

THE PERSON AND A SOCIETY IN THE CONDITIONS OF CRISIS: FREEDOM AND SOCIAL REGULATION

Summary:

In article questions of methodology of research of problems of social regulation and addiction behaviour in a context the social cultural present crisis are considered.

Keywords:

social regulation, social health, a social pathology, social justice, social solidarity, personal sense, mercy.

Вопросы социальной регуляции в периоды кризиса приобретают особую остроту, причем в большей степени это касается кризисов не экономики, а культуры, кризисов понимания целей и смысла существования, кризисов идентичности и картины мира. С этой точки зрения нынешний экономический кризис носит частный характер и является, по сути, следствием той неустрашимой кризисности современности, которая получает разные интерпретации и наименования практически во всех серьезных исследованиях. «Текущая современность» (З. Бауман), как и «Общество риска» (У. Бек), как и «Тень молчаливого большинства» (Ж. Бодрийяр) – эти концепты отражают указанную кризисность в ее различных воплощениях.

Говоря о кризисе культуры, мы, в контексте заявленной темы, имеем в виду, прежде всего, кризис понимания целей, смысла и норм человеческого поведения. Среди комплекса вызовов и проблем, которые несет с собой «текущая современность», особое место занимает проблема *размывания представлений о дозволенном и недозволенном* в индивидуальном и массовом сознании. Исчезает общий ценностно-нормативный эталон. Современный человек лишается критериев для различения позитивного и негативного, нормы и отклонения, что неизбежно приводит к росту масштабов различных форм девиантного поведения (в том числе и в экономической сфере) в современном глобализирующемся обществе [2; 6]. Большие социальные группы становятся носителями и выразителями *девиантных поведенческих и мировоззренческих установок*. К наиболее опасным девиациям принято относить преступность, (зло)употребление психоактивных веществ, проституцию, коррупцию, социальный паразитизм, половую распущенность, агрессивное и суицидальное поведение и др. [5; 12]. При этом значительная часть подобных явлений получает моральную санкцию со стороны массовой медиаккультуры, героизирующей и эстетизирующей многие формы девиантного поведения [1; 12]. Рост масштабов этих девиаций оказывает разрушительное воздействие на личность и общество, приводит к системным нарушениям в деятельности важнейших социальных институтов – семьи, морали, права.

Соответственно, актуализируется потребность в концептуальном ответе на важнейшие вопросы: в чем причины этих явлений и как с ними можно бороться и предупредить? И здесь мы сталкиваемся со второй проблемой. Удовлетворительного ответа на эти вопросы современная социальная наука дать не может, поскольку находится в глубоком методологическом кризисе. Кризис этот ярче всего виден в той его отрасли, которая напрямую связана с указанными вопросами, – *девиантологии*, интегрирующей комплекс социологических, психологических, правовых и медицинских знаний в сфере исследований нормативного и денормативного поведения.

Причины упомянутого кризиса обусловлены, как представляется, влиянием *релятивизма*, утвердившегося в качестве господствующей методологии. Кредо релятивизма – признание *принципиальной относительности норм и идеалов*, их исторической и культурной изменчивости, которые «...причудливо меняются во времени и пространстве по воле законодателя, власти или общественного мнения» [4, с. 30].

Критике релятивизма и выявлению присущих ему логико-методологических противоречий мы много внимания уделяли в предыдущих работах [см.: 19–23], поэтому лишь кратко сформулируем главные «обвинения». *Первое* – «принцип относительности» логически приводит к отказу от осуждения девиаций, придает им статус «альтернативных форм поведения» и, как следствие, блокирует разработку эффективных программ профилактики и социального контроля. В качестве последних предлагаются неэффективные, а то и дающие прямо противоположный эффект меры: аболиционизм (отмена наказания за «преступления без жертв»), декриминализация (проституции и наркотиков), толерантность (часто понимаемую в форме терпимости к патологиям, например признание прав «сексуальных меньшинств»). Причем на обыденном уровне сторонники релятивизма не любят отвечать на вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы Ваша дочь занялась проституцией (под государственным контролем, с лицензией), начала употреблять наркотики (легально), а к 25 годам, разочаровавшись в жизни, решила бы на эвтаназию (узаконенную)?». *Второе* – релятивизм представляет собой не столько методологическую, сколько *идеологическую* конструкцию, транслирующую установки просвещенческого либерального индивидуализма в поле социального знания.

Соответственно, возникает необходимость разработки альтернативной методологической модели, поиска иных философских оснований девиантологии. На каких принципах может быть построена подобная модель? Сторонники релятивизма склонны к заимствованию категориального аппарата естествознания, ставя в один ряд *флуктуации* в неорганическом мире, *мутации* в биологическом и *девиации* как разновидность этих явлений в мире культуры [4]. Подобный подход, доведенный до логического конца, означает принципиальную дегуманизацию: следуя ему, становится возможным трактовать убийство одного человека другим как «столкновение физических тел» или «внутривидовую борьбу». Между тем еще в начале XX в. была сформулирована идея *качественного различия* бытия неорганической материи, живой материи и бытия разума и культуры, имеющих *свои*, специфические законы существования и развития [13; 15].

Представляется, что для наших целей – построение модели девиантологической методологии, позволяющей разрабатывать действенные программы профилактики, – можно опираться на категориальный аппарат науки, гораздо более близкой к человеку, нежели естествознание или биология, и притом ставящей сходные с девиантологией задачи – медицины. Речь идет о категориях «здоровье» и «патология».

Действительно, медицина ставит целью выявление причин патологий, которые рассматриваются как отклонение от нормы – здоровья. Находя причины патологий, медики разрабатывают технологии лечения и предупреждения болезней, охраняя и восстанавливая здоровье. При этом данные категории имеют жесткую привязку к практике: патология – это то, что препятствует нормальному состоянию – здоровью. Никому, заметим, не приходит в голову трактовать возникновение в организме раковой опухоли, как «альтернативную жизнедеятельность» и призывать бороться с раком с помощью отказа от лечения или «депатологизации болезни».

Здоровье человека, по определению Всемирной организации здравоохранения, – это объективное состояние и субъективное чувство полного физического, психического и социального благополучия [24]. Тогда как болезнь – нарушение нормальной жизнедеятельности организма, обусловленное функциональными и/или морфологическими изменениями.

Вследствие распространения различных патологий могут ухудшаться показатели здоровья, возникать дисфункции отдельных органов и систем организма, наконец, при достаточном уровне патогенного воздействия может наступить смерть человека. При этом для разных людей критерии индивидуального здоровья *незначительно* (!) различаются в зависимости от возраста, пола, расы, условий и образа жизни.

Введение в социальное познание категорий «здоровье» и «патология» позволяют интерпретировать поведение, мотивы и потребности личности и социальных групп как могущие носить и здоровый (норма) и патологический (девиантность) характер. Таким образом, к *нормальным* формам поведения, мотивам и потребностям мы будем относить то, что способствует достижению *максимальной личностной и социальной жизнеспособности, максимального раскрытия возможностей индивидуального и социального бытия*. Другими словами: «Норма – это не то среднее, что есть, а то лучшее, что возможно в конкретном возрасте для конкретного человека при соответствующих условиях» [14].

Здесь необходимо важное дополнение: прямой перенос медико-биологического понимания здоровья и патологии в поле социально-гуманитарного познания неприменим. Опираясь на эти категории необходимо вводить в них духовное (ноологическое) содержание, отражающее специфические, над-биологические закономерности бытия человека.

Девиантологическая модель социально-личностного здоровья и патологии должна строиться на основе восхождения к теоретическому моделированию: а) личности, б) общества, в)

нравственно-этической сферы, как связующей человека и общество и обеспечивающей специфическое бытие человека в мире культуры.

1. Основания девиантологии личности: от первичных потребностей к поиску смысла и милосердия. Человек – существо телесное и в качестве такого имеет ряд первичных, витальных потребностей – еда, питье, безопасность, и это роднит его с другими живыми организмами. Однако сущностные качества человека, по нашему глубокому убеждению, лежат *над* этими потребностями (хотя, разумеется, не отменяют их) в сфере духовно-нравственной.

Среди различных теорий личности, принимаемых современной психологией, наибольшим потенциалом, с нашей точки зрения, обладает *логотерапевтический подход* (от греч. λόγος – смысл, знание) Виктора Э. Франкла, сформулировавшего основные положения своей концепции во время пребывания в нацистский лагерях смерти [16; 17].

Логотерапевтический подход выделяет три онтологически обусловленные константы личностного бытия – *духовность* (ориентация на поиск смысла жизни), *свобода* (в реализации смысла или отказе от него), и *ответственность* (за последствия и ошибки в реализации смысла). «Духовность, свобода и ответственность – это три экзистенциала человеческого существования. Они не просто характеризуют человеческое бытие как *бытие именно человека* (курсив наш. – Т.Х.), скорее даже они конституируют его в этом качестве. В этом смысле духовность человека – это не просто его характеристика, а конституирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим, которые свойственны и животным. Духовное – это то, что отличает человека, что присуще только ему и ему одному» [16, с. 93].

По В. Франклу, нормальная жизнь – это постоянное стремление уменьшить разрыв между *наличным* и *должным*. Однако этот разрыв – неустрашим. К *подлинному* идеалу можно лишь приближаться. *Ложные* идеалы – богатство, власть, слава – достижимы, однако их достижение в качестве *самоцелей* чревато *экзистенциальным вакуумом* – потерей смысла, который лежит в основе *ноогенных* (духовно-смысловых) неврозов. Другими словами, человек должен нуждаться в том, чтобы служить чему-то большему, нежели он сам или его богатство [17].

Ни один человек не избавлен от того, что В. Франкл называет трагической триадой человеческого существования: страдание, вина и смерть [17]. Страдание отнюдь не устраняет смысл и духовность, но напротив, требует облагораживания смыслом. Вина связана с тем фактом, что жизнь наша конечна и мы способны на непоправимые поступки. Наконец, тот факт, что все люди смертны, и делает жизнь уникальной и неповторимой. Каждое мгновение человек должен выбирать – какую из возможных смысловых альтернатив он *должен* осуществить. Таким образом, логотерапия рассматривает человека как существо *ответственное, ищущее смысл и страдающее*.

Этот взгляд на человека может быть дополнен важным этическим соображением: человек – существо не только страдающее, но и *со-страдающее*, нуждающееся и проявляющее милосердие, вне которого невозможно сохранение человека как существа социального, – это важнейшее условие и качество собственно человеческого измерения бытия (но, не единственное, о чем далее).

Итак, в качестве констант личностной нормы мы принимаем *Ответственность, Смысл и Сострадание* (милосердие), которые объединяются в преодолении *Страдания*, являющегося неизбежным спутником человеческой жизни.

Соответственно, личностная девиантность с данных позиций есть результат отказа (сознательного или нет) от одной из данных констант: что неизбежно приводит к увеличению страдания (самой личности, либо связанных с ней людей). Так отказ от Смысла (выражающегося в Долге, служении людям, Богу, Делу и т.п.) замыкает личность в тисках бессмысленности, бегства в удовольствие, погоню за богатством и властью, что неизбежно влечет страдания для человека и/или его окружения. Отказ от Ответственности открывает путь гипертрофированному эгоизму, разрушению социальных связей, саморазрушению. Наконец, отказ от Милосердия (полем чего почти всегда становится неконтролируемый эгоизм) представляется самым опасным, поскольку способен придать патологичность Смыслу, Долгу и Ответственности (например, фанатизм, ведущий к человеческим жертвам).

Сказанное – схематично, но оно позволяет получить общую схему интерпретации личностной девиантности: практически все ее многообразные формы (кроме, пожалуй, расстройств медицинского характера) укладываются в приведенную выше схему. Соответственно, появляется общее методологическое поле для разработки технологий коррекции или предупреждения в рамках конкретных дисциплин.

Важное замечание. Предлагаемое понимание нормы, как можно видеть, носит императивный характер, то есть норма понимается как *стремление к идеалу*. Это резко расходится с пониманием нормы как среднего состояния (принятого в социологии девиантного поведения). На

наш взгляд, эти виды нормального нужно различать, и здесь состояние среднего напрямую зависит от стремления к идеалу. Идеал как таковой недостижим, но стремление к нему задает направление движения, вектор, без которого невозможно понять девиации – отклонения от этого вектора. Напомним, слово «грех» – это перевод греческого слова *αμαρτια*, которое буквально означает «промах» или «непопадание в цель».

2. Основания девиантологии социума: социальная солидарность и социальная справедливость.

Начнем с того, что общество как реальность (а не абстрактная конструкция) возникает в системе социальных взаимодействий и отношений: люди определенным образом ведут себя по отношению к другим людям.

Социальное взаимодействие. Говоря о девиантности, исследователи, как правило, концентрируют внимание на сфере *поступков*, из которых складывается собственно, *поведение*. Онтология поступка (нравственного или безнравственного, «нормального» или «девиантного») *неявна*. Причины и мотивы индивидуальных поступков, рассматриваемые даже на статистическом уровне, выглядят вполне *субъективными*. Когда мы рассматриваем сферу поведения через призму индивидуальных различий, то мысль о том, что нормы – суть просто *конвенции*, с которыми одни люди соглашаются, а другие нет, выглядит вполне убедительной. По крайней мере, можно признать этот взгляд правдоподобным в отношении поступков, не связанных с причинением явного вреда окружающим.

Если рассматривать поведение и поступки через призму категории *деятельности* и, шире, *практики*, то многое предстает в ином свете. Существование общества требует включения отдельных индивидов в разнообразные *социально-значимые виды деятельности* – добывание пищи и других ресурсов, управление, оборона от внешних врагов, накопление и передача знаний и т.п. Вне этой *организованной совместной деятельности выживание* как каждого индивида, так и сообщества в целом ставится под угрозу. Чтобы эта социально-значимая деятельность стала возможной (вне зависимости от ее конкретного содержания), необходимо существование неких общих стандартов или принципов поведения. Необходимо, чтобы люди могли доверять друг другу, знать, чего ожидать друг от друга, другими словами, необходимы *правила игры*. Принципиальным здесь является то, что эти ожидания (правила, стандарты) требуют, чтобы индивиды демонстрировали *устойчивые закономерности* в своих поступках или поведении. Причем эти закономерности должны служить достижению *взаимопонимания, согласия (солидарности) и взаимной честности*, иначе совместная деятельность станет невозможной [9].

Первым условием нормального (здорового) жизнеспособного общества является соблюдение принципа солидарности, взаимного милосердия. Наиболее заметно это проявляется в существовании важнейшего социального института – семьи. Существование семьи как хозяйственного и, главное, социализирующего института невозможно вне отношений солидарности, взаимного милосердия и любви. (Последний тип отношений наиболее сложен для научного анализа, отметим лишь, что богатейшие пласты высших достижений человеческой культуры, этики и творчества связаны именно с этим типом взаимоотношений, отличающимся от собственно солидарности и милосердия, но являющегося неустраимо важным в человеческих отношениях, прежде всего в системах отношений «мужчина–женщина» и «родители–дети»).

Таким образом, *солидарность и милосердие* рассматриваются как важнейшие принципы организации *нормального* социального бытия. Единственное последовательное возражение на эту точку зрения – это ницшеанская критика «морали слабых», которую мы здесь не обсуждаем ввиду ее очевидного аморализма.

Потребности и социальная организация. Авторы многих теорий отклоняющегося поведения справедливо усматривают источник девиантогенных возмущений социума в дефектах социальной организации, блокирующих удовлетворение каких-либо важных потребностей отдельных категорий членов сообщества или социальных групп.

Каждый человек, как уже отмечалось, нуждается в удовлетворении первичных жизненных потребностей – еде, питье, отдыхе, безопасности и т.п. Общество, не обеспечивающее своим членам возможность удовлетворения этих потребностей, не просто ненормально, оно биологически нежизнеспособно. Любой социум нуждается в существовании институтов и практик, обеспечивающие возможности для удовлетворения этих потребностей. Здесь мы сталкиваемся с еще одним важным принципом социальной организации – принципом *Справедливости*.

Справедливость требует, чтобы *всем* членам общества была предоставлена возможность удовлетворения важнейших витальных (жизненных) потребностей. На практике это принимает форму *гарантии прав*: на жизнь, работу, медицинское обслуживание, жилье, питание и прочее. В контексте же принципа Милосердия эти гарантии должны быть предоставлены и тем, кто не в состоянии реализовать данные права самостоятельно: больным, одиноким старикам и другим

«уязвимым категориям населения». Когда какие-либо социальные группы лишаются этих прав, возникает устойчивая девиантогенная ситуация – социальная патология, угрожающая обществу в целом или его отдельным частям. Примеры подобных патологий дает история: различные формы рабовладельческого уклада или другие формы «исключения» больших социальных групп и классов (расовое угнетение, английские огораживания и т.п.). В современных условиях «развитых демократий» данный тип патологий чаще всего реализуется в форме *номинальной*, а не реальной *гарантии прав* (например, право на работу и жилье в обществе с высоким уровнем безработицы). Фактически сказанное означает, что общество, в котором сосуществуют группы высокопривилегированные и депривированные, представляет собой патологичную форму социальной организации. Такие явления, как глубокое социальное неравенство, структурная бедность, депривация являются результатом нарушения принципов Справедливости и Милосердия и *неизбежно* ведут к росту масштабов девиантного поведения (в первую очередь «протестного» и «инновационного», по Р. Мертону), что подробно описано западными социологами еще в 60-х гг. прошлого века [10].

Однако, как уже говорилось, помимо витальных потребностей, человек нуждается в возможности удовлетворения потребностей идеальных, связанных со Смыслом. Более того, часто депривация этой группы потребностей при полном и даже избыточном удовлетворении потребностей витальных приводит к гибели отдельных людей и целых классов (самоубийства богатых, декаданс как культурный принцип, часть аддиктивных расстройств) [11]. Таким образом, одной из ключевых задач любой социальной системы является «воспроизводство Смысла». Общество должно обеспечить своим членам достаточную смысловую нагрузку – некий «пантеон идеалов», организующий социально одобряемые цели и практики. Причем принципиально важным является сверхличностный характер этих идеалов, обеспечивающий выход за рамки материального благополучия и индивидуального эгоизма отдельных членов общества и социальных групп. Другими словами, нормальная социальная организация должна строиться на *идеократических* принципах: Долге (перед Богом, людьми, отечеством, призванием), Служении (чему-то более высокому, нежели сам индивид), Вере (в идеалы), Справедливости (то есть готовности признавать надличностные стандарты) и Милосердию (вне которого никакого преодоления вины – неустранимого экзистенциала – быть не может). Подобная идеократия может носить как религиозный (Византия или Ватикан), так и светский характер (например, Рим до н.э., Советский Союз до 1960-х гг.), но общий принцип один: объединение людей в служении высоким идеалам. Сказанное, разумеется, не означает, что идеократическое общество избавлено от девиаций. Идеократия вполне может реализоваться в нарушении других не менее важных констант социального здоровья – Справедливости и Милосердия. Кроме того, возможность конфликта личных и общественных интересов вполне сохраняется и при самом идеальном социальном устройстве. Однако, когда же в качестве идеала провозглашаются цели, приземленные, сводимые к индивидуальному благополучию и эгоизму (идеология потребительского общества Запада в орбиту которой были вовлечены поздний Советский Союз и современная Россия, поздний Рим), то общество *неизбежно* попадает в режим «продуцирования девиаций». Эти девиации начинают принимать устойчивый характер, превращаясь в неустранимые системные дисфункции, обусловленные направлением личностной активности индивидов в социально-деструктивном направлении: гедонизм, стяжательство и корыстная преступность, «отступающее» (аддикции, сектанство) поведение.

Таким образом, *нормальное общество* понимается как *система социальных взаимоотношений и практик, обеспечивающих удовлетворение потребностей и смысловую нагрузку всем* (по крайней мере, максимально возможному, в рамках наличных условий, количеству) *членам общества*. Отсутствие этих признаков указывает на наличие патологических процессов в социуме, связанных с нарушением принципов нормальной социальной организации – *справедливости, идеократичности, солидарности и милосердия*. Нарушение этих принципов объясняет причины абсолютного большинства форм девиантного поведения, имеющих социальную обусловленность (в классификации Р. Мертона – инновации, ретритизм, ритуализм, мятеж [10], а также истоки антисоциальных субкультур).

3. Основания нравственной девиантологии: от внешнего принуждения к внутреннему контролю.

Как известно, сферой пересечения личностного и социального бытия является сфера культуры, интегрирующая основные идеалы, ценности, символы, нормы и традиции. Эти базовые элементы культуры упорядочивают индивидуальную активность членов социума, обеспечивая совмещение личностного и социального в едином поле значений, смыслов и практик. Важнейшим элементом культуры, с позиций нашего анализа, является *нравственное измерение* – та часть смыслов, идеалов и ценностей, которая формирует представления о целях и принципах поведе-

ния членов общества. Любое общество (здоровое) создает системы социального контроля, обеспечивающие соблюдение 3-х видов норм: предписаний, запретов и разрешений, призванных обеспечить соблюдение принципов Милосердия, Смысла, Справедливости и Солидарности. Свое же обоснование системы социального контроля (право, суд и др.) получают именно в нравственной сфере культуры. Цель нравственности – *замена внешнего социального контроля внутренним, этическим контролем*. Напомним: этимология греческого слова «этика» восходит к «этосу» – стойлу для домашних животных. Основной задачей нравственности является воспитание в личности способности к нравственной оценке своего поведения и его последствий, делающей возможным самоконтроль. Нравственная оценка – это преодоление субъективного (индивидуальных желаний) в оценке путем восхождения ее до уровня объективного (реальных последствий для себя, других и мира) [7, с. 79].

Нравственные идеалы и нормы конституируют правовую регуляцию отношений собственности, распределения и власти, идеологические системы, нормы повседневных взаимоотношений, нормы контроля за агрессией и сексуальностью, то есть те сферы взаимоотношений, которые напрямую связаны с константами личностного и социального здоровья, рассмотренными выше.

Девиантность (грех, порок) становится возможной, когда человек отказывается от контроля над своими влечениями и утрачивает способность к нравственной оценке ситуации. Человек – существо, имеющее потребности и желающее. Желания и потребности ограничивают свободу человека, которая никогда не бывает абсолютной. Однако удовлетворение некоторых из них способствует благополучию и здоровью индивида и окружающих его людей, тогда как других, напротив – к болезням и несчастьям.

В контексте сказанного становится понятной роль нравственности – это путь к благополучию и здоровью (телесному и душевному), социальной и личностной гармонии, возможность реализовать Смысл.

Соответственно, *нравственные патологии* сводятся к *отказу от самоограничения и милосердия в пользу индивидуального гедонизма и эгоизма*. Когда отдельные люди или группы исповедуют принцип «живи в свое удовольствие, а после нас хоть потоп», они объективно угрожают благополучию собственному, другим людям и общества в целом.

Такова, вкратце, концепция социального и личностного здоровья, предлагаемая нами в качестве альтернативы релятивизму. Эта концепция (даже в представленном поверхностном и схематичном наброске) представляет собой *интерпретативную схему*, позволяющую задавать *методологическое направление* диагностики и коррекции социальных и личностных патологий в рамках отдельных исследований и проектов. Разумеется, высказанные в статье идеи требуют доработки и дополнений, нуждаются в более корректном соотношении с эмпирическими данными, однако мы склонны считать предложенный подход методологически более обоснованным и практически эффективным, нежели релятивизм.

Ссылки:

1. Аронсон Э., Праткин Э.Р. Эпоха пропаганды (механизмы убеждения: повседневное использование и злоупотребление). СПб., 2002.
2. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Сидельника. Общ. ред. и послесл. А. Филипова. М., 2001.
3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2003.
4. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004.
5. Девиантное поведение: методология и методика исследования / под. ред. М.Е. Поздняковой. М., 2004.
6. Делягин М. Мировой кризис (общая теория глобализации). М., 2001.
7. Колесов Д.В. Болезни поведения. Воспитание здорового образа жизни, М., 2002.
8. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. СПб., 2002.
9. Маккентайр А. После добродетели: Исследование теории морали / пер. с англ. В.В. Целищера. М.; Екатеринбург, 2000.
10. Мертон К.Р. Социальная структура и аномия // Социс.1992. № 2–4.
11. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
12. Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру / Джон Де Граф. Дэвид Ванн, Томас Х. Нэйлор. [Пер. с англ. Н. Макарова. М., 2003.
13. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. с немецкого. М., 1998.
14. Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 91–105.
15. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. М., 1992.
16. Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. М., 2000.
17. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М., 1990.
18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998.
19. Хагуров Т.А. Девиантологический релятивизм: методология или идеология (на примере анализа аддиктивного поведения). Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения». 27–28 октября 2008 г.: в 2-х т. Краснодар, 2008. Т. 1. С. 395–413.

20. Хагуров Т.А. Методология девиантологических исследований в современном обществе: «человек-потребитель» в фокусе девиантологического анализа // Общество и право: всероссийский научный журнал. 2005. № 1. С. 101–110.
21. Хагуров Т.А. Методология девиантологических исследований феномена массовой культуры и порождаемого ею типа человека // Девиантное поведение: методология и методика исследования / под. ред. М.Е. Поздняковой. М., 2004. С. 27–37.
22. Хагуров Т.А. Постмодернизм в поле массовой культуры // Социс. № 9. 2007. С. 93–97.
23. Хагуров Т.А. Человек-потребитель: проблемы девиантологического анализа: монография. М., 2006.
24. URL: <http://ru.wikipedia.org/>

References:

1. Aronson E., Pratkanis E.R. Propaganda Era (mechanisms of persuasion: the everyday use and abuse). St. Petersburg, 2002.
2. Beck W. What is globalization? Moscow, 2001.
3. Buchanan P.J. Death of the West. Moscow, 2003.
4. Gilinskii Y.I. Deviantology sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations". St. Petersburg, 2004.
5. Deviant behavior: methodology and research methodology / under. Ed. M.E. Pozdnyakova. . Moscow, 2004.
6. Delyagin M. World Crisis (general theory of globalization). Moscow, 2001.
7. Kolesov D.V. Illness behavior. Nurturing a healthy lifestyle, Moscow, 2002.
8. Comer R. Pathopsychology behavior. Disorders and mental pathology. St. Petersburg, 2002.
9. Makkintair A. After Virtue: A Study of moral theory. M.; Ekaterinburg, 2000.
10. Merton K.R. Social structure and anomie // Sotsis. 1992. № 2-4.
11. Panarin A. Orthodox civilization in a global world. Moscow, 2002.
12. Potrebyatstvo: disease threatening the world / John De Graf. David Vann, Thomas H. Naylor. Moscow, 2003.
13. Rickert G. Science of nature and science on culture. M., 1998.
14. Slobodchikov V.I., Shuvalov A.V. Anthropological approach to the problem of the psychological health of children // Questions of psychology. 2001. № 4. Pp. 91-105.
15. Sorokin P.A. People. Civilization. Society. M., 1992.
16. Frankl V. The will to meaning. M., 2000.
17. Frankl V. Man's Search for Meaning: compilation. M., 1990.
18. Fromm E. The anatomy of human destructiveness. M., 1998.
19. Hagurov T.A. Deviantologic relativism: methodology or ideology (for example, analysis of addictive behavior). Proceedings of the II All-Russian scientific practical conference "Phenomenology and prevention of deviant behavior". 27-28 October 2008: in 2 vols. Krasnodar, 2008. T. 1. p. 395-413.
20. Hagurov T.A. Methodology of deviantologic research in modern society, "people-to-consumer" in focus deviantologic analysis // Society and Law: All-Russian scientific journal. 2005. № 1. Pp. 101-110.
21. Hagurov T.A. Research Methodology deviantologic phenomenon of mass culture and the concomitant human type // Deviant behavior: methodology and research methodology / under. Ed. M.E. Pozdnyakova. Moscow, 2004. P. 27-37.
22. Hagurov T.A. Postmodernism in the field of popular culture // Sotsis. Number 9. 2007. p. 93-97.
23. Hagurov T.A. Man-to-consumer: problems deviantologic analysis: monograph. M., 2006.
24. URL: <http://ru.wikipedia.org/>